

Нина
ГЕЙЛМАН

История
с кладбищем

Annotation

В ночь, когда погибла вся его семья, крошечный мальчик каким-то чудом оказывается на улице и даже добирается до старого кладбища, где находит приют на долгие годы. Обитатели кладбища, призраки, вампир и оборотень, дают мальчику имя, воспитывают и опекают его. На кладбище — и в большом, человеческом мире — его ждет множество приключений, которые помогут ему повзрослеть и полюбить мир живых, опасный, волнующий и манящий.

Нил Гейман

История с кладбищем

Предисловие автора к российскому изданию

Мне всегда нравились кладбища.

Там так спокойно!

Редьярд Киплинг в сборнике рассказов «Книга джунглей» поселил ребенка в тропическом лесу и рассказал о том, как он вырос и вернулся к людям.

Я в своем сборнике глав-историй привел ребенка на кладбище, похожее на те, где я сам бродил в детстве, и стал наблюдать, как он растет.

Есть мнение, что эта книга о смерти и ее не следует давать детям. Я его не разделяю.

Эта книга — о ценности жизни и о том, как найти свою семью.

Я всегда хотел побывать в России. Я знаю, что здесь до того, как расселиться по миру, жили поколения многих моих предков.

Надеюсь, что однажды, в не слишком отдаленном будущем, я к вам приеду. Однажды.

До того, как умру.

Нил Гейман

Глава 1

Как никто не испугался покойников

*Мертвый босяк
В телеге обмяк.
Был он никто,
Вы же за то
Жалкие кости
Здесь и бросьте.*

Из детского народного стихотворения

В темноте появилась рука, а в руке — нож. Рукоять ножа была из отполированной черной кости, а лезвие — из твердой стали и такое острое, что рану и не заметишь. Сперва.

Нож уже почти завершил то, зачем попал в дом. Поэтому и лезвие, и рукоять были мокрыми.

В приоткрытую дверь, куда недавно пробрались нож и его хозяин, вползали космы ночного тумана.

Человек по имени Джек замер у лестницы. У него были черные волосы, черные глаза и тонкие-претонкие черные перчатки. Левой перчаткой он вытащил из кармана черного плаща огромный белый платок, протер нож и правую перчатку, потом засунул платок обратно. Охота близилась к концу. Женщина лежала на кровати, мужчина — на полу спальни, их дочь — в детской с веселыми обоями, среди игрушек и незаконченных поделок. Остался сын, который едва научился ходить, — и все.

Человек по имени Джек размял пальцы. Прежде всего он был профессионалом — во всяком случае, считал себя таковым, — и не улыбался, пока не выполнит работу целиком.

Вторая детская была под самой крышей. Человек по имени Джек тихо поднялся по устеленным ковром ступенькам, открыл дверь мансарды и вошел. В начищенных черных туфлях, как в зеркалах, отразился крошечный месяц.

Большая луна светила в окно. Светила неярко, тонула в тумане, но человеку по имени Джек этого хватало. Более чем.

Он различил в кроватке детский силуэт: голову, руки, ноги, туловище. Перегнулся через высокий деревянный бортик — такие делают, чтобы ребенок не вылез, — поднял правую руку с ножом, нацелился в грудь...

...и опустил руку. В кровати лежал плюшевый мишка. Ребенка не было.

Человек по имени Джек привык к слабому лунному свету и не стал включать электрический. Впрочем, в свете и так не было большой нужды: владелец ножа умел кое-что еще.

Он потянул носом воздух. Постарался отсеять запахи, которые принес в комнату сам, отмел все лишнее и сосредоточился на запахе того, за кем охотился. Он учуял ребенка: аромат молока и печенья с кусочками шоколада. Кислая, резкая вонь мокрого подгузника. Детский шампунь и еще что-то маленькое и резиновое. Игрушка? Нет, скорее, соска.

Ребенок был здесь. И пропал. Принюхиваясь, человек по имени Джек обошел весь высокий и узкий дом сверху донизу. Осмотрел ванную с туалетом, кухню, сушилку и наконец прихожую, где нашлись только велосипеды, груда пустых хозяйственных сумок, ночной подгузник да заползшие с улицы пряди тумана.

Человек по имени Джек издал негромкий звук: то ли раздраженно крикнул, то ли довольно хмыкнул. Сунул нож в ножны, вшитые во внутренний карман плаща, и вышел на улицу. Туман окутывал луну и фонари, глушил звуки, рождал обманные тени. Ниже по улице горели витрины закрытых магазинов. На холме пряталось темное старое кладбище.

Человек по имени Джек, принюхиваясь, неторопливо пошел в гору.

Едва начав ходить, малыш стал для папы с мамой и отрадой, и досадой: еще не родился на свет другой такой ребенок, который так же любил бы ползать по дому и забираться во все укромные уголки. Этой ночью он проснулся от грохота внизу — будто что-то упало. Поскольку спать уже не хотелось, мальчик решил выбраться из кровати. Борта у нее были высокие, как у манежа в гостиной, но перелезть через них он умел. Вот бы еще приступочку...

Мальчик оттащил в угол кровати своего большого золотисто-рыжего мишку. Потом, вцепившись в перила ручонками, поставил одну ногу медведю на живот, вторую — на голову, подтянулся и вылез, точнее, вывалился из кровати на пол.

С глухим стуком он шлепнулся прямо на грудку мягких игрушек — подаренных на первый день рождения, меньше чем полгода назад, или перешедших по наследству от сестры. Упав, мальчик удивился, но не заплакал: если шуметь, взрослые придут и снова положат в кровать.

Он выполз за дверь.

Подниматься по лестнице — целая наука, и мальчик ее еще не совсем освоил. А вот спускаться, как он уже давно выяснил, гораздо проще. Он сел на пухлую попку и начал плюхаться со ступеньки на ступеньку.

Он сосал резиновую соску. Мама стала почему-то говорить, что он уже большой для соски.

Мальчик бухнулся на последнюю ступеньку, встал и вышел на середину маленькой прихожей. Подгузник, который еще по пути расстегнулся, тут у него и упал. Мальчик остался в коротенькой рубашонке. Ступеньки в детскую и спальню были очень высокие, а вот дверь на улицу так и манила...

Мальчик с легкой опаской ступил за порог. Туман обнял его, как давнего друга, и мальчик потопал вверх по улице — сначала неуверенно, потом все тверже и быстрее.

На макушке холма туман редел. При свете луны было, конечно, не так светло, как днем, но рассмотреть кладбище было можно.

Взгляните сами.

Вы увидите заброшенную часовню с запертой железной дверью, увитым зеленым шпилем и маленьким деревцем, выросшим прямо в сточном желобе на крыше. Вы увидите надгробные камни, могилы, склепы и мемориальные плиты. А вот перебежал через дорожку и шмыгнул в кусты какой-то зверек: кролик, землеройка или хорек.

Всё это вы различили бы при свете луны, окажись вы в ту ночь на старом кладбище.

Зато едва ли заметили бы бледную полную женщину, которая прогуливалась у ворот. А

если б и заметили, то, присмотревшись повнимательнее, решили бы, что это лишь игра света, тумана и тени.

И все-таки женщина там была. Сейчас она как раз миновала несколько покосившихся надгробий по пути к воротам.

Ворота кладбища были закрыты. Их всегда запирали в четыре дня зимой и восемь вечера летом. Часть ограды представляла собой частокол острых металлических прутьев, остальное — высокую кирпичную стену. Между прутьями оставался небольшой зазор — слишком узкий не только для взрослого, но и для десятилетнего ребенка...

— Оуэнс! — вскрикнула бледная женщина. Ее голос напоминал шуршание ветра в осоке. — Оуэнс! А ну-ка, глянь сюда!

Она к чему-то наклонилась. В лунном свете дрогнула тень и оказалась сидящим мужчиной лет сорока с небольшим. Мужчина посмотрел на жену, потом на то, что привлекло ее внимание, и поскреб в затылке.

— Сударыня... — начал он. (Так было положено обращаться к жене в их время.) — Может, это зрительный обман?

Объект внимания миссис Оуэнс явно ее заметил, потому что открыл рот, выронив на землю пустышку, и — невероятно! — потянулся пухлой ручонкой к бледному пальцу женщины.

— Я съем свой котелок, — заявил мистер Оуэнс, — если это не ребенок.

— Ах, конечно же, ребенок! — воскликнула его супруга. — Вопрос в том, что с ним делать?

— Боюсь, вы правы, сударыня, — отвечал ее муж. — Однако вопрос этот не нам решать. Дитя, бесспорно, живое, и, стало быть, не имеет отношения к нам и нашему миру.

— Подумать только, улыбается! Какой славненький! — Миссис Оуэнс погладила бестелесной рукой редкие светлые волосы мальчика, и тот радостно засмеялся.

Вдруг по кладбищу пронесся ледяной ветер и сдул туман с нижних склонов (дорожки кладбища вились по всему холму — вверх, вниз, а иногда и по кругу). Раздался грохот: кто-то дергал ворота и теребил тяжелый навесной замок с цепью.

— Ага, — сказал Оуэнс. — Вот и родичи дитяти, которые жаждут вновь прижать его к любящей груди. Оставьте младенца в покое! — добавил он, видя, что миссис Оуэнс обвила ребенка бесплотными руками и гладит по голове.

— Ох, не похож он ни на чьего родича! — проговорила она.

Человек в черном плаще устал трясти ворота и подошел к боковой калитке. Та оказалась тоже тщательно заперта. В прошлом году на кладбище был случай вандализма, и городской совет принял меры.

— Пойдемте, сударыня. Оставьте его, сделайте любезность!

Вдруг мистер Оуэнс раскрыл рот и замолчал. Он увидел привидение.

Казалось бы — и если вам тоже так кажется, вы совершенно правы, — призрак не должен был так уж изумить мистера Оуэнса. Ведь и он сам и миссис Оуэнс покоились с миром уже несколько сотен лет и всё это время имели дело лишь с себе подобными — то бишь с мертвыми. Однако это привидение совсем не походило на обитателей кладбища — странно дрожащее, серое, как экран телевизора, когда тот «рябит». Его паника волнами захлестывала все вокруг, включая самих Оуэнсов. На самом деле призраков было три: два контура покрупнее, один поменьше, но четко виднелась лишь одна фигура.

— Мой сын! Он хочет убить моего сына!

Что-то загремело. Мужчина поволок тяжелую металлическую урну через дорогу, к ограде кладбища.

— Защитите моего ребенка! — взмолился призрак, и миссис Оуэнс решила, что это женщина. Мать, конечно же.

— Что он с вами сделал? — спросила миссис Оуэнс, хотя не была уверена, слышит ли та ее. Только что скончалась, бедняжка! Куда легче отходить тихо, чтобы потом проснуться там, где тебя похоронили, смириться со смертью, увидеть своих соседей. А это существо состояло из одного только страха за ребенка. Страх, словно крик, звенел в ушах Оуэнсов и привлекал внимание остальных здешних обитателей. Бледные фигуры потянулись к ним со всего кладбища.

— Кто ты? — обратился к призраку Гай Помпей. Ветер и дождь давно превратили его надгробный камень в простой валун. Две тысячи лет назад Гай Помпей попросил, чтобы его тело не отсылали в Рим, а похоронили на холме у мраморного храма. Теперь, как один из старейших покойников на кладбище, он очень ревностно относился к своим обязанностям. — Твое тело покоится здесь, женщина?

— Да нет же! Вы посмотрите, она только что умерла! — Миссис Оуэнс одной рукой обняла женскую фигуру и принялась ее тихо увещевать.

От высокой стены между кладбищем и улицей донесся стук, а потом грохот. Урна покатилась. На краю ограды, на фоне размытых туманом фонарей возник темный мужской силуэт. Мужчина ненадолго замер, а потом спустился по стене, цепляясь руками и болтая ногами. За несколько футов до земли он разжал руки и спрыгнул.

— Но, милочка, — обратилась миссис Оуэнс к фигуре. Из трех осталась уже одна. — Он живой. Мы — нет. Как вы себе это представляете...

Ребенок озадаченно смотрел на обеих. Потянулся сначала к одной, потом к другой, но схватил только воздух. Призрак его матери быстро таял.

— Да, — произнесла миссис Оуэнс в ответ на слова, которые слышала только она одна. — Да, если это возможно. — Она повернулась к стоявшему рядом мужчине.

— А ты, Оуэнс? Станешь ли ты отцом этому малышу?

— Я... отцом? — наморщил лоб Оуэнс.

— У нас ведь не было детей. А его мать просит, чтобы мы его защитили. Ты согласен?

Человек в черном плаще выбрался из зарослей среди старых оббитых надгробий и осторожно пошел вперед, но спугнул сову, и она бесшумно улетела прочь.

Человек увидел ребенка, и глаза его загорелись торжеством.

Оуэнс знал, что думает его жена, когда говорит таким тоном. Не зря же они были вместе (до гробовой доски и после) добрых двести пятьдесят лет.

— Вы твердо уверены, что хотите этого, миссис Оуэнс? Без всяких сомнений?

— Уверена, как ни в чем и никогда!

— Тогда я согласен. Если вы решили стать ему матерью, я буду отцом.

— Слышали? — Миссис Оуэнс повернулась к мерцавшей фигуре, от которой остались лишь смутные очертания, похожие на отблеск зарницы. Фигура сказала еще что-то, слышное только миссис Оуэнс, и исчезла.

— Больше мы ее не увидим, — сказал мистер Оуэнс. — В следующий раз она проснется на своем кладбище или там, куда направляется.

Миссис Оуэнс нагнулась и протянула к малышу руки.

— Иди сюда! — ласково позвала она. — Иди к мамочке!

Человек по имени Джек уже шел к ним, держа в руке нож. Вдруг ему показалось, будто ребенка окутал завиток тумана, и мальчик исчез. Остались только сырой туман да качающаяся трава.

Джек моргнул и потянул носом воздух. Что-то случилось, но он не мог понять, что. Из глубины его глотки вырвалось злобное ворчание хищника, упустившего добычу.

— Эй! — крикнул человек по имени Джек. Может, ребенок спрятался за кустом? Голос был мрачным, грубым и каким-то странным, словно мужчина не привык говорить.

Кладбище не раскрывало своих секретов.

— Эй! — снова позвал он, надеясь, что ребенок хныкнет, залепечет или хотя бы шевельнется. К его удивлению, в ответ прозвучал бархатистый голос:

— Вам помочь?

Человек по имени Джек был высокого роста. Этот — еще выше. Джек был весь в черном. Одежда этого — еще чернее. Всем, кто замечал Джека за делом — а он не любил, когда его замечали, — становилось страшно, тревожно или как-то не по себе. Но когда Джек посмотрел на незнакомца, ему самому стало не по себе.

— Я кое-кого ищу, — сказал человек по имени Джек, спрятав руку в карман плаща так, чтобы нож оставался наготове.

— На запертом кладбище среди ночи? — уточнил незнакомец.

— Ребенка, — ответил человек по имени Джек. — Я просто шел мимо и услышал детский плач. Заглянул за ограду — а там ребенок. Что бы сделал другой на моем месте?

— Рукоплещу вашей гражданской сознательности. Однако, найди вы ребенка, как бы вы отсюда выбрались? С ним на руках через стену не перелезть.

— Я бы кричал, пока меня кто-нибудь не услышал бы и не выпустил, — сказал человек по имени Джек.

Тяжелый звон ключей.

— Этот «кто-нибудь» — я, — заметил незнакомец. — Я бы вас и выпустил. — Он выбрал из связки большой ключ и сказал: — Прошу за мной.

Человек по имени Джек двинулся следом за незнакомцем, одновременно вытаскивая из кармана нож.

— Так вы смотритель?

— Я? О да, в некотором роде...

Чем ближе они подходили к воротам, тем дальше оставался ребенок. У Джека не было в этом никаких сомнений. Зато, подумал он, у смотрителя есть ключи. Удар ножа в темноте, и все, а потом можно искать ребенка хоть до утра.

Он поднял нож.

— Если ребенок и был, — не оглядываясь, произнес смотритель, — на кладбище он бы не пробрался. Вы наверняка ошибаетесь. Да и как сюда могло попасть дитя? Скорее всего, вы слышали ночную птицу или кошку. А то и лису. Между прочим, тридцать лет назад здесь прекратили хоронить и объявили кладбище природным заповедником. Теперь подумайте хорошенько и скажите, точно ли вы видели ребенка.

Человек по имени Джек задумался.

Незнакомец отпер боковую калитку.

— Лисы... Они издают очень странные звуки, удивительно похожие на плач. Нет, сэр, ваш визит на кладбище был ошибкой. Ребенок, которого вы ищете, вас где-то ждет — но не здесь. — Он секунду помолчал, чтобы эта мысль прочнее закрепилась в голове Джека, и

торжественно открыл калитку. — Очень рад знакомству. Надеюсь, снаружи вы найдете всё, что ищете.

Человек по имени Джек оказался за калиткой. Незнакомец остался внутри, запер замок и убрал ключ.

— А вы куда? — удивился человек по имени Джек.

— Это не единственный выход, — объяснил незнакомец. — Мой автомобиль стоит по ту сторону холма. Не беспокойтесь обо мне. А еще лучше — забудьте наш разговор.

— Ладно, — легко согласился Джек. — Забуду. — В его памяти сохранилось лишь то, что он забрел на холм, мнимый ребенок оказался лисицей, а вежливый смотритель вывел его на улицу. Джек сунул нож в потайные ножны. — Тогда... доброй ночи!

— И вам того же! — отозвался незнакомец, которого Джек счел смотрителем кладбища.

Человек по имени Джек пошел вниз по холму, продолжать поиски.

Отступив в тень, незнакомец провожал Джека взглядом, пока тот не скрылся из виду. Потом поднялся на вершину холма, где стоял обелиск с надгробной плитой Иосии Уордингтона, местного пивовара, политика и баронета, который почти три века назад выкупил старое кладбище с прилегающими землями и подарил городу в вечное пользование. Себе Иосия Уордингтон зарезервировал лучшее местечко — естественный амфитеатр с видом на город и окрестности — и позаботился о том, чтобы кладбище не снесли потомки. Здешние обитатели были ему за это признательны, хотя, по мнению самого баронета, недостаточно.

На кладбище насчитывалось тысяч десять душ, но большинство спало глубоким сном или не интересовалось еженочными делами общины. В амфитеатре под лунным светом собралось меньше трех сотен.

Незнакомец тихо, как туман, подплыл ближе и стал из тени наблюдать за тем, как развиваются события.

Речь держал Иосия Уордингтон.

— Дражайшая! — обратился он к миссис Оуэнс. — Ваше упрямство весьма... Бог мой, неужели вы сами не видите, какая это нелепица?

— Нет, — ответила миссис Оуэнс, — не вижу.

Она сидела на земле, скрестив ноги, а живой ребенок спал у нее на коленях. Женщина придерживала его голову призрачными руками.

— Прошу прощения, ваша честь, — вмешался стоявший рядом мистер Оуэнс, — миссис Оуэнс хотела сказать, что она не видит никакой нелепости. Она видит в этом свой долг.

Когда-то мистер Оуэнс имел дело с Иосией Уордингтоном во плоти: тот заказал ему несколько изысканных предметов мебели в свою усадьбу под Инглшемом. С тех пор Оуэнс относился к баронету с большим почтением.

— Долг? — Иосия Уордингтон замотал головой, словно стряхивая прилипшую паутину. — Ваш долг, мэм, перед кладбищем и сим сообществом бестелесных духов, призраков и тому подобных существ — как можно скорее отправить это создание в его естественную среду обитания, которая находится совсем в другом месте.

— Мальчика мне отдала его мама, — отрезала миссис Оуэнс.

— Дражайшая моя...

— Никакая я вам не дражайшая! — Миссис Оуэнс вскочила. — По правде говоря, сама не понимаю, зачем я тут болтаю со всякими старыми скудоумными пустобрехами, когда

мальчик вот-вот проснется... И где мне, по-вашему, найти для него еду на кладбище?

— Вот именно, — сухо вставил Гай Помпей. — Как его кормить? Как о нем заботиться?

Миссис Оуэнс сверкнула глазами.

— Я позабочусь о нем не хуже его собственной матери! Она отдала его мне. Смотрите: я его касаюсь, видите? Я его держу.

— Ох, Бетси, будь благоразумна! — сказала матушка Хоррор, хрупкая старушонка в огромном капоре и салопе. В них она ходила при жизни, в них и легла в могилу. — Где мальчик будет жить?

— Здесь, — отвечала миссис Оуэнс. — Дадим ему почетное гражданство кладбища.

Губы матушки Хоррор сложились в крошечную О.

— Но... Боже милостивый...

— Почему бы и нет? Это не первый случай.

— Верно, — сказал Гай Помпей. — Но тот почетный гражданин — неживой.

Незнакомец понял, что, хочется ему того или нет, в разговор вступить придется. Он отделился от тени темным пятном.

— Неживой, — согласился он. — Тем не менее я понимаю, о чем ведет речь миссис Оуэнс.

— Понимаете, Сайлес? — переспросил Иосия Уордингтон.

— Да. К добру или нет — а я твердо убежден, что к добру, — миссис Оуэнс с супругом взяли этого ребенка под свою опеку. Однако, чтобы вырастить его, двух душ недостаточно. Нужна помощь всего кладбища.

— А как же еда и прочее?

— Я могу покидать кладбище, — ответил Сайлес. — И приносить еду.

— Вам-то хорошо говорить! — вставила матушка Хоррор. — Да только вы шмыг — туда, шнырь — сюда, и кто за вами уследит? Пропадете на неделю, и мальчишка погибнет.

— Вы мудрая женщина, — ответил Сайлес. — Теперь я вижу, почему ваше мнение так высоко ценят. — Он мог гипнотизировать лишь живых, но прекрасно знал, что лесть действует и на мертвых. — Что ж... Если мистер и миссис Оуэнс готовы стать его родителями, я буду его опекуном. Обещаю, что останусь здесь, а если мне понадобится покинуть кладбище, найду себе замену, чтобы ребенку приносили пищу и присматривали за ним. Для этих целей нетрудно использовать крипто часовни.

— Но... — возмутился Иосия Уордингтон. — Но... человеческий ребенок! Живой ребенок. Как же... Как же, как же... Проклятье! У нас кладбище, а не ясли!

— Вы совершенно правы, — закивал Сайлес. — Очень верное замечание, сэр Иосия. Я бы и сам не смог выразиться лучше. И хотя бы по этой причине чрезвычайно важно, чтобы воспитание ребенка как можно меньше сказывалось на, извините за выражение, жизни покойных. — Он не спеша приблизился к миссис Оуэнс и посмотрел на ребенка, спавшего у нее на руках. — У него есть имя, миссис Оуэнс? — Сайлес вопросительно приподнял бровь.

— Если и есть, мать его мне не назвала.

— Что ж, старое имя в любом случае сослужило бы ему плохую службу. Там, за оградой, остались люди, которые хотят причинить ему вред. Так может, выберем новое?

Гай Помпей подошел ближе и рассмотрел ребенка.

— Что-то в нем есть от моего проконсула Марка. Можем назвать его Марком.

Иосия Уордингтон сказал:

— А мне он напоминает моего главного садовника Стеббинса. Впрочем, имя это я не

стал бы рекомендовать. Стеббинс был склонен к неумеренности в выпивке.

— Нет, он вылитый мой племянник Гарри! — воскликнула матушка Хоррор.

Пока все обитатели кладбища не начали сравнивать младенца с давно забытыми друзьями и родными, миссис Оуэнс твердо вмешалась:

— Никто на него не похож. Никто!

— Так давайте так его и назовем, — сказал Сайлес. — Никто Оуэнс.

Тут, словно услышав свое новое имя, ребенок проснулся и распахнул глаза. Огляделся, увидел лица мертвых, туман и луну. Повернулся к Сайлесу и стал его спокойно и серьезно рассматривать.

— Что ж это за имя такое? «Никто»! — возмутилась матушка Хоррор.

— Его имя. Хорошее имя, — возразил Сайлес. — Которое поможет его защитить.

— Еще не хватало мне тут неприятностей! — заявил Иосия Уордингтон.

Ребенок посмотрел на него и вдруг — то ли потому, что проголодался, то ли устал, то ли просто заскучал по семье, родным и своему миру — скривил мордашку и расплакался.

— Унеси ребенка, — сказал Гай Помпей миссис Оуэнс. — Мы обсудим все без вас.

Миссис Оуэнс ждала у часовни. Больше сорока лет назад это здание, похожее на небольшую церквушку со шпилем, объявили историческим памятником. Но городской совет решил, что реставрация маленькой часовни на запущенном кладбище обойдется слишком дорого. На часовню повесили замок и стали ждать, пока она развалится сама собой. Стены и крышу заплело плющом, но в этом веке они падать явно не собирались.

Ребенок снова заснул. Миссис Оуэнс тихо качала его и напевала старую песенку, которую слышала от матери, когда сама была маленькой девочкой — в те времена, когда только вошли в моду напудренные парики. Песенка звучала так:

Глазки, дитяtko, закрой,
Спи, куда спится.
Мир лежит перед тобой,
Трудно ошибиться...
Ласки, танцы до упаду,
Имя, кровь, земные клады... [1]

Вдруг миссис Оуэнс обнаружила, что забыла, как песенка заканчивается. Что-то там было вроде «окорок с щетиной» — или это из другой песни?.. Миссис Оуэнс махнула рукой и запела еще одну, про человечка с Луны, который упал с вышины. А потом спела песенку поновее, про мальчика, который сунул в пирог свой пальчик. Не успела она перейти к длинной балладе о юном рыцаре, которого невеста ни с того ни с сего отравила вареным угрем, как из-за угла часовни появился Сайлес с картонной коробкой.

— Это все вам, миссис Оуэнс. Много разной еды для вашего мальчика. Будем держать ее в крипте, так?

Висячий замок распался у него в руках, и железная дверь отворилась. Миссис Оуэнс зашла внутрь, с сомнением оглядывая старые деревянные полки и скамьи, отодвинутые к стенам. В углу стояли покрытые плесенью коробки приходского архива, а за открытой дверью в другом конце виднелись викторианский унитаз и умывальник (без горячего крана).

Ребенок раскрыл глаза.

— Тут прохладно, — сказал Сайлес, — и еда лучше сохранится.

Он достал из коробки банан.

— А это что еще за диковина? — Миссис Оуэнс с подозрением воззрилась на непонятный предмет.

— Это банан. Тропический фрукт. Насколько я понимаю, кожура снимается... вот таким образом.

Ребенок — Никто — заерзал на руках у миссис Оуэнс, и та опустила его на каменные плиты. Мальчик тут же затопал к Сайлесу и крепко вцепился в его брючину.

Сайлес отдал мальчику банан.

Миссис Оуэнс пристально смотрела, как Никто ест.

— Ба-нан... — с сомнением проговорила она. — В первый раз слышу. В первый раз... Какие они на вкус?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Сайлес: то, что он употреблял в пищу, были не бананы. — Тут мальчик может спать.

— Ни в коем случае! У нас с Оуэнсом чудесная гробница возле нарциссовой клумбы! Там места предостаточно. К тому же, — добавила она, чтобы не показаться невежливой, — я бы не хотела, чтобы он вам мешал.

— Он не помешает.

Мальчик разделался с бананом, весь перемазавшись, — и с улыбкой посмотрел на взрослых.

— Ан-ан! — весело сказал он.

— Какой умничка! — восхитилась миссис Оуэнс. — А вымазался-то как! Ну-ка, стой, не крутись, червячок... — Она выбрала кусочки банана из его волос. — Как думаете, что они решат?

— Не знаю.

— Я не могу от него отказаться. Я дала слово его матери.

— Кем я только ни был в свое время, — заметил Сайлес, — а вот родителем не довелось. И наверстывать упущенное не собираюсь. С другой стороны, я могу покинуть это кладбище...

— А я — нет. Мои кости здесь. И Оуэнса тоже. Мне отсюда не уйти.

— Приятно, наверное, иметь свое место. Свой дом. — В голосе Сайлеса не слышалось ни малейшего сожаления: он был сух и непреклонен. Миссис Оуэнс не стала спорить.

— Как думаете, нам долго придется ждать?

— Не очень, — сказал Сайлес.

И оказался неправ.

Прения в амфитеатре продолжались. Немало значило, что в эту историю впутались уважаемые Оуэнсы, а не какие-нибудь легкомысленные новички. Имело вес и то, что Сайлес вызвался на роль опекуна: обитатели кладбища относились к Сайлесу с опасливым уважением: ведь он существовал на рубеже между их теперешним миром и тем, который они покинули. И все же, все же...

Это кладбище нельзя было назвать оплотом демократии, тем не менее перед смертью все равны. У каждого из покойников было право голоса и собственное мнение о том, принимать ли в свои руки живого ребенка. И все непременно хотели высказаться.

Стояла поздняя осень, и рассвет не спешил. Небо было еще темным, когда у подножия

холма загудели машины: живые ехали на работу. А кладбищенские жители всё обсуждали неожиданное появление ребенка и что теперь с ним сделать. Триста голосов. Три сотни мнений... Неемия Трот, поэт из заброшенной северо-западной части кладбища, начал выражаться стихами. Какова была его позиция, никто из слушателей так и не уяснил. И вдруг в истории кладбища случилось то, что заставило смолкнуть самые красноречивые речи.

На холм взошел огромный белый конь (опытные лошадики называют эту масть серой). Топот копыт послышался еще до того, как коня увидели, — равно как и треск, с которым животное продиралось сквозь кусты, колючки, плющ и утесник на склоне холма. Размером конь был с тяжеловоза шайрской породы, в холке добрых девятнадцать ладоней, и мог бы нести на себе рыцаря в полном вооружении. На его спине, без седла, сидела женщина, с ног до головы закутанная в серое. Ее длинная юбка и шаль казались сотканными из пыльной паутины. Лицо женщины было спокойным и безмятежным.

Обитатели кладбища узнали ее: ведь каждый из нас в конце своих дней встречает Всадницу на белом коне, и забыть ее невозможно.

Конь остановился у обелиска. На востоке небо слегка посветлело, залилось перламутровым предрассветным сиянием, отчего кладбищенскому люду стало не по себе и захотелось вернуться в свои уютные дома. Однако ни один не шелохнулся. Они смотрели на Всадницу со смесью волнения и страха. Покойники, как правило, лишены предрассудков, но сейчас они искали у нее мудрости или подсказки, как древнеримский авгур — в полете священных воронов.

Она заговорила голосом, что прозвенел, как сотня крошечных серебряных колокольчиков:

— Мертвым следует быть милосердными.

И улыбнулась.

Конь, который в это время спокойно жевал большой клок травы, замер. Дама коснулась его шеи. Он повернулся, прошел несколько громадных шагов, стуча копытами, и вдруг оторвался от земли и галопом поскакал по небу. Топот копыт превратился в далекое ворчание грома. Еще мгновение, и Всадница на своем скакуне пропала из виду.

По крайней мере, так утверждали все жители кладбища, собравшиеся в ту ночь на холме.

Дебаты тут же закончились без всякого голосования. Ребенку по имени Никто Оуэнс решили дать гражданство кладбища.

Матушка Хоррор и Иосия Уорддингтон, баронет, проводили мистера Оуэнса до старой часовни и рассказали о чуде миссис Оуэнс.

Та ничуть не удивилась.

— Вот и правильно! Ведь у некоторых в головах никакого соображения! А вот у нее — есть. Еще какое.

Не успело серое утро осветиться солнцем, как ребенок крепко заснул в уютной маленькой гробнице Оуэнсов (при жизни господин Оуэнс был главой местной гильдии краснодеревщиков, и коллеги воздали ему должные почести).

До рассвета Сайлес еще раз покинул кладбище. Он нашел на склоне холма высокий дом, осмотрел три мертвых тела, изучил ножевые раны. Удовлетворившись увиденным, он вышел в утренний полумрак. Обдумывая возможные неприятные варианты развития событий, Сайлес вернулся на кладбище, в часовню, где обычно спал под самым шпилем, пережидая

дневное время.

А в городе, у подножия холма, человек по имени Джек кипел от злости. Он так долго ждал этой ночи, готовился к ней целые месяцы — даже годы! И начало было удачным: трое умерли, не успев даже вскрикнуть. Но потом...

Потом все пошло совершенно, абсолютно наперекосяк. С какой стати он потащился на вершину холма, когда ребенок явно спустился вниз? К тому времени, как Джек вернулся, след остыл. Кто-то нашел ребенка, забрал его, спрятал. Другого объяснения быть не могло.

Грянул гром, громко и неожиданно, как пистолетный выстрел, и полил дождь. Человек по имени Джек начал методично обдумывать свои дальнейшие действия: к кому из жителей городка наведаться, кто станет здесь его глазами и ушами...

О неудаче собранию рассказывать необязательно.

Да и не такая уж это неудача, сказал он себе, прячась под козырьком магазина от утреннего дождя, хлынувшего с неба потоком. Впереди еще много лет, много времени. Он успеет завершить неоконченное дело. Перерезать последнюю нить.

Завыли сирены. Мимо Джека проехала сначала полицейская машина, потом неотложка, потом машина без опознавательных знаков, но с сиреной. Человек по имени Джек нехотя поднял воротник плаща, пригнул голову и вышел под дождь. Нож лежал в карманных ножнах, в сухости и тепле, и никакой ливень был ему не страшен.

Глава 2

Новая подружка

Никт рос тихим и довольно послушным мальчиком. У него были серьезные серые глаза и копна волос мышиного цвета. Едва научившись говорить, он стал засыпать жителей кладбища вопросами: «Почему меня не выпускают с погоста?» Или: «А что он делает? Я тоже хочу!» Или: «А кто здесь живет?» Взрослые старались удовлетворить его любопытство, но их противоречивые ответы часто сбивали мальчика с толку. Тогда Никт дожидался заката и шел к старой часовне, чтобы поговорить с Сайлесом.

Опекун умел объяснять так, чтобы Никту было понятно.

— Тебя не выпускают с погоста... кстати, «погост» — устаревшее слово, теперь так не говорят... потому что только тут, на кладбище, ты в безопасности. Здесь твой дом, здесь те, кто тебя любит. Снаружи слишком опасно. Пока что.

— А сам уходишь! Каждую ночь.

— Я во много раз старше тебя, малыш. И меня никто не тронет.

— Меня тоже.

— К сожалению, это не так.

— ...Хочешь научиться делать так, как я? Одни навыки осваиваются в процессе учебы, другие — простым повторением, третьи приходят со временем сами. Довольно скоро ты научишься *блекнуть*, *скользить* и *ходить по снам*. Некоторые навыки, однако, живым недоступны. Придется немного подождать. Впрочем, не сомневаюсь, что со временем ты их тоже освоишь.

...Ты стал почетным гражданином кладбища, — объяснял Сайлес. — Так что оно о тебе заботится. Здесь ты видишь в темноте. Можешь ходить дорогами, недоступными живым. Другие люди — живые — тебя не замечают. Мне тоже дали почетное гражданство, хотя в моем случае оно выражается лишь в праве проживания.

— Я хочу быть таким, как ты! — Никт выпятил нижнюю губу.

— Нет, — твердо отвечал Сайлес. — Не советую.

— ...Кто здесь похоронен? Во многих случаях это написано на могильном камне. Ты умеешь читать? Азбуку знаешь?

— Какую еще... букву?

Сайлес молча покачал головой. При жизни чета Оуэнсов не отличалась большой любовью к чтению, и у Никта не было букваря.

На следующую ночь Сайлес появился перед уютной гробницей Оуэнсов с тремя большими книжками: двумя красочными букварями («А — аист, Б — барабан») и «Котом в сапогах». Впридачу он захватил стопку бумаги и коробку восковых мелков. Опекун провел Никта по кладбищу, прикладывая маленькие пальцы мальчика к самым новым, нестертым надписям на камнях и плитах, и научил различать буквы.

Потом Сайлес придумал Никту большое и серьезное задание — найти на кладбище весь алфавит, начиная с острого шпилья большой буквы «А». Никт триумфально завершил поиск мемориальной плитой Эндрю Янгсли, вмурованной в стену часовни. Опекун был доволен.

Каждый день Никт ходил по кладбищу с бумагой и мелками и, как умел, переписывал имена, эпитафии и даты. Каждый вечер Сайлес объяснял ему, что там написано, и переводил с латыни то, что не могли прочитать Оуэнсы.

Стоял солнечный день. На краю кладбища басовитые шмели залезали в полевые цветы и выглядывали из лепестков утесника и колокольчиков. Никт лежал на солнце и наблюдал, как бронзовка идет по могильному камню Дж. Ридера, его супруги Доркас и сына Себастиана («Fidelis ad Mortem^[2]»). Никт уже все переписал и думал только о жуке. Вдруг раздался чей-то голос:

— Мальчик! Ты что делаешь?

Никт поднял глаза. Из-за кустов на него кто-то смотрел.

— Ни-чи-во. — Никт показал язык.

Лицо в кустах сморщилось в морду горгульи: язык высунут, глаза выпучены — а потом снова превратилось в девочку.

— Здорово! — восхитился Никт.

— Я еще много рож умею корчить, — сказала девочка. — Смотри! — Она задрала нос пальцем, растянула губы в широкой ухмылке, скосила глаза и надула щеки. — Понял, кто это?

— Нет.

— Свинья, дурачок!

— А-а... — Никт задумался. — Свинья, которая на букву «эс»?

— Ага! Стой там.

Она обошла кусты. Никт поднялся. Девочка была немножко старше и выше него и одета во все яркое — желтое, розовое и оранжевое. Никт, который ходил в сером саване, показался себе совсем скучным.

— Сколько тебе лет? Что ты тут делаешь? Ты здесь живешь? Как тебя зовут?

— Не знаю, — ответил Никт.

— Не знаешь, как тебя зовут? Не верю! Все знают, как их зовут. Вруша!

— Я знаю, как меня зовут. И знаю, что я тут делаю. А остальное, что ты спросила, не знаю.

— Ты про сколько тебе лет?

Никт кивнул.

— А сколько тебе было в последний день рождения?

— Нисколько. У меня нет дней рождения.

— Дни рождения есть у всех. У тебя что, никогда не было торта, свечек и всякого такого?

Никт помотал головой. Девочка сочувственно вздохнула.

— Бедняжка! Мне пять лет. Спорим, тебе тоже пять!

Никт радостно закивал. Он не хотел спорить с новой приятельницей. Ему было с ней весело.

Девочку звали Скарлетт Эмбер Перкинс, и у ее родителей не было своего сада. Поэтому мама привела ее сюда, села на скамейку у часовни читать журнал, а Скарлетт отпустила погулять на полчаса. Велела ей никуда не лезть и с чужими не разговаривать.

— Я чужой, — заметил Никт.

— Ничего подобного! — уверенно ответила Скарлетт. — Ты маленький мальчик. И ты

мой друг. Какой же ты чужой?

Никт улыбался редко, но сейчас улыбнулся, широко-широко.

— Да, я твой друг!

— Как тебя зовут?

— Никт. Полностью — Никто.

Она рассмеялась:

— Какое смешное имя! А что ты сейчас делаешь?

— Учю буквы с камней. Я их записываю.

— А мне с тобой можно?

На миг Никту захотелось отказать — ведь это его могилы, разве нет? — но он быстро спохватился: играть в компании, под ярким солнцем, гораздо интереснее.

— Конечно!

Они взялись за дело вместе. Скарлетт помогала Никту произносить незнакомые имена и слова. Никт переводил — если мог — латинские выражения. Оба огорчились, когда до них донесся голос девочкиной мамы:

— Скарлетт!

Девочка сунула мелки с бумагой в руки Никту.

— Мне пора!

— Пока! Я тебя еще увижу? — спросил мальчик.

— А где ты живешь?

— Тут.

Никт стоял и смотрел, как она сбегает вниз по холму.

По дороге домой Скарлетт рассказала матери про мальчика по имени Никто, который живет на кладбище. Вечером мать передала все отцу. Тот сказал, что в таком возрасте дети часто придумывают себе товарищей по играм, не стоит беспокоиться. А кроме того, им повезло, что так близко находится уголок живой природы.

После той встречи Скарлетт ни разу не замечала Никта первой. Если не шел дождь, мама или папа приводили ее на кладбище, сами садились читать, а Скарлетт — ярко-зеленое, оранжевое или розовое пятно — сходила с дорожки и исследовала всё, что видела. Очень быстро перед ней возникала серьезная сероглазая физиономия с копной волос мышинового цвета.

Скарлетт и Никт играли в прятки, залезали на деревья и надгробья, а иногда, притаившись, наблюдали за кроликами, которые жили позади старой часовни.

Никт познакомил Скарлетт со своими друзьями, хоть она их и не видела. Но родители твердо сказали ей, что Никт — воображаемый и в этом нет ничего плохого, и мама даже несколько дней ставила для него тарелку, так что Скарлетт не удивлялась, что у Никта есть воображаемые приятели.

— Бартлби сказал, что у тебя «лице аки давлена слива», — говорил ей Никт.

— Сам он такой! А почему он так странно говорит? И вообще, может, он хотел сказать «помидор»?

— По-моему, в его время не было помидоров. И говорили тогда именно так.

Скарлетт — девочка умная, но одинокая — была очень рада, что нашла друга. Ее мама преподавала в заочном университете студентам, которых никогда не видела живьем:

проверяла работы по английскому языку, присланные по компьютеру, и отвечала советом или похвалой. Папа преподавал физику частиц, но, как сказала Скарлетт Никту, «желающих преподавать физику частиц больше, чем желающих ее изучать». Поэтому семья постоянно переезжала из города в город. Каждый раз отец надеялся получить постоянную работу, но пока безуспешно.

— А что такое физика частиц? — спросил Никт.

Скарлетт пожала плечами:

— Ну, есть атомы — это такие маленькие штучки, которые нельзя увидеть. Мы из них состоим. И есть другие штучки, еще меньше атомов. Это физика частиц.

Никт кивнул, он решил, что отец Скарлетт занимается чем-то воображаемым.

Каждый будний день после обеда друзья вместе гуляли по кладбищу, водили пальцами по надписям, иногда переписывали эпитафии. Никт сообщал Скарлетт все, что знал про обитателей этой могилы, мавзолея или гробницы, а она рассказывала о том, что прочитала или услышала, или просто о большом мире: об автомобилях, автобусах, телевидении и самолетах (Никт видел их высоко в небе, но думал, что это такие шумные серебристые птицы, и не очень ими интересовался). Зато Никт мог рассказать о том времени, когда люди в могилах были живыми: например, как Себастиан Ридер ездил в Лондонтаун и видел королеву — толстую тетку, которая сердито глазела на всех из-под меховой шапки и не понимала ни слова по-английски. Себастиан Ридер не помнил, как звали королеву, но сказал, что вроде бы долго она не правила.

— Когда это было? — спросила Скарлетт.

— На его могиле написано, что он умер в тысяча пятьсот восемьдесят третьем. Значит, еще раньше.

— А кто на кладбище самый старый?

Никт нахмурился.

— Наверное, Гай Помпей. Он приехал сюда через сто лет после первой высадки римлян. Он мне рассказывал. Ему еще дороги понравились.

— Значит, он самый старый?

— Наверное.

— А давай сделаем себе домик в этом большом каменном доме?

— Ты не сможешь туда зайти. Он закрыт. Они все заперты.

— А ты можешь?

— Конечно.

— А почему я не могу?

— Ну, я гражданин этого кладбища. И много где могу проходить.

— Я хочу поиграть в большом каменном доме.

— Тебе нельзя.

— Ты просто жадный и меня не пускаешь.

— Неправда.

— Жадина!

— Не-а.

Скарлетт засунула руки в карманы куртки и ушла не попрощавшись. В глубине души она знала, что несправедлива к Никту, и от этого злилась еще больше.

За ужином она спросила родителей, жили ли здесь люди раньше римлян.

— Откуда ты узнала про римлян? — удивился отец.

— Все знают, — презрительно отмахнулась Скарлетт. — Так жил тут кто-нибудь?

— Кельты, — ответила мать. — Они поселились здесь раньше, а римляне их завоевали.

На скамейке у старой часовни Никт вел почти такой же разговор.

— Самый старый? — переспросил Сайлес. — Откровенно говоря, не знаю. Из тех, с кем я знаком, самый старый на кладбище — Гай Помпей. Но тут жили и до римлян. Много разных и древних племен. Как твоя азбука?

— Хорошо. Кажется. А когда я научусь писать буквы вместе?

Сайлес помолчал.

— Не сомневаюсь, — произнес он наконец, — что среди многочисленных погребенных здесь талантов найдутся учителя. Я наведу справки.

У Никта перехватило дух: скоро он сможет прочитать все что угодно: любую книгу, любую историю!

Когда Сайлес покинул кладбище, отправившись по своим делам, Никт направился к иве у старой часовни и позвал Гая Помпея.

Старый римлянин восстал из могилы и зевнул.

— А-а! Живой мальчик! Как поживаешь, мальчик?

— Очень хорошо, сэр.

— Вот и славно. Рад слышать.

В лунном свете волосы старого римлянина казались белыми. Под тогой, в которой его похоронили, были толстые шерстяные гетры и телогрейка: он жил в холодной стране на краю мира; холоднее ее разве что Каледония, где люди больше походят на зверей и кутаются в рыжие шкуры. Даже Риму их земли без надобности. Вскоре этих дикарей отгородят большой стеной, и пусть сидят себе в своей вечной мерзлоте.

— Вы самый старший? — спросил Никт.

— На кладбище? Да, я.

— То есть вас здесь первым похоронили?

Гай Помпей замялся.

— Почти... До кельтов на острове жили другие люди. Один из них погребен здесь.

— Ага... — Никт подумал. — Где?

Гай указал на макушку холма.

— Наверху! — решил мальчик.

Гай покачал головой.

— А где тогда? — не понял Никт.

Старый римлянин взъерошил мальчику волосы.

— В холме. Внутри. Сначала товарищи принесли сюда меня. За мной последовали местные чиновники, а затем мимы в восковых масках, которые изображали мою супругу, умершую от лихорадки в Камулодунуме, и отца, убитого на границе с Галлией. Три сотни лет спустя один крестьянин искал новое пастбище для овец и наткнулся на валун, закрывавший вход. Он откатил его и спустился в подземелье холма, надеясь найти клад. Через некоторое время крестьянин вышел, а его черные волосы оказались белыми, как мои...

— Что он там увидел?

Гай, помолчав, сказал:

— Он не рассказывал. Но больше сюда не вернулся. Валун поставили на место и со

временем о происшествии забыли. Потом, двести лет назад, когда строили склеп Фробишеров, ход отыскался снова. Юноша, который его обнаружил, решил, что найдет там сокровища, и никому ничего не рассказал. Он задвинул ход гробом Эфраима Петтифера и однажды ночью спустился под землю, думая, что никто его не увидит.

— А когда он вылез, у него тоже волосы были белые?

— Он остался там.

— Как это?.. А-а... Кто же в холме похоронен?

Гай покачал головой.

— Не знаю, юный Оуэнс. Но я ощущал его присутствие, когда кладбище было пустым. В глубине холма что-то затаилось и ждало.

— Ждало чего?

— Я ощущал лишь само ожидание, — отвечал Гай Помпей.

Скарлетт пришла на кладбище, обнимая толстую книжку с картинками, и села рядом с мамой на зеленую скамейку у ворот. Мать листала какое-то наглядное пособие, а девочка читала книжку, грелась в лучах весеннего солнца и изо всех сил старалась не видеть мальчика, который сначала махал ей из-за увитого плющом памятника, а потом, когда она решительно отвела глаза, выскочил — совсем как чертик из коробочки — из-за могильного камня некоего Дзэдзи Г. Сёдзи (?— 1921, «...был странником, и вы приняли Меня»). Мальчик лихорадочно махал Скарлетт рукой. Она делала вид, будто ничего не замечает.

Наконец Скарлетт положила книжку на скамейку.

— Мама, я пойду погуляю.

— Не сходи с дорожки, милая!

Скарлетт не сходила с дорожки до тех пор, пока не повернула за угол и не увидела Никта.

Она скорчила рожицу:

— А я кое-что узнала!

— Я тоже.

— До римлян тут были люди. Давным-давно! Они жили, то есть лежали под землей прямо в холме, вместе с сокровищами. Эти холмы так и называют — могильники.

— Ага, вот оно что! Теперь понятно. Хочешь посмотреть такую могилу?

— Прямо сейчас? — Скарлетт засомневалась. — Ты знаешь, где она? И вообще, я не могу проходить везде, как ты. — Она видела, как он тенью проскальзывает сквозь стены.

В ответ Никт показал массивный ржавый ключ.

— Я нашел его в часовне! Он должен отпереть почти все двери. Старые замки часто делали одинаковыми, чтобы было меньше мороки.

Она вскарабкалась по склону и встала рядом.

— Правда?

Он кивнул. В уголках его рта пряталась довольная улыбка.

— Пошли!

Стоял чудный весенний день. Воздух трепетал от птичьих трелей и пчелиного гудения. На ветерке приплясывали нарциссы и ранние тюльпаны. В зеленой траве ярко горели горсточки незабудок и желтые кисти первоцветов.

Дети поднялись по склону к мавзолею Фробишеров.

Это был обычный старый склеп — заброшенный каменный дом с металлической решеткой вместо двери. Никт открыл замок своим ключом.

— Там должна быть дырка. Или дверь. За одним из гробов.

Ход, и вправду похожий на дыру, обнаружился за гробом, в самом низу.

— Нам сюда, — сказал Никт. — Полезли.

Приключение нравилось Скарлетт все меньше и меньше.

— Там ничего не видно. Темно!

— Мне не нужен свет, — возразил Никт, — пока я на кладбище.

— А мне нужен!

Никт подумал, что бы такое ободряющее сказать. Может, «там нет ничего страшного»?

Но если люди выходят оттуда седыми или не выходят вообще, значит, говорить такое с чистой совестью нельзя.

— Я сам спущусь. А ты подожди меня здесь.

Скарлетт нахмурилась:

— Не оставляй меня!

— Я схожу туда, посмотрю, а потом вернусь и все тебе расскажу.

Он нагнулся и на четвереньках пролез в дыру. Внутри оказалось столько места, что он смог выпрямиться. В камне были вырублены ступеньки.

— Сейчас пойду вниз по лестнице, — сообщил Никт.

— А она длинная?

— Наверно.

— Если ты будешь держать меня за руку и рассказывать, куда мы идем, могу пойти с тобой. Если ты обещаешь меня защищать.

— Конечно! — обрадовался Никт.

Не успел он договорить, как девочка на четвереньках пролезла в дыру.

— Можешь встать. — Никт взял ее за руку. — Ступеньки начинаются прямо здесь.

Поставь ногу вперед, сама найдешь. Вот. Дай я пойду первым.

— А ты правда тут видишь?

— Тут темно, но я правда все вижу.

Он повел Скарлетт в глубину холма, описывая, что встречается по дороге.

— Лестница ведет вниз. Она каменная. Над нами тоже камень. Кто-то разрисовал стены.

— Что там?

— Большая волосатая буква «С». С рогами. Потом что-то похожее на узор или узел. Он вырезан в камне, не просто нарисован, чувствуешь? — Никт приложил ее пальцы к резному узлу.

— Чувствую!

— Теперь лестница стала шире. Мы выходим в какой-то большой зал, но ступеньки не кончаются. Стой. Ну вот, я встал между тобой и этим залом. Держись левой рукой за стену.

Они пошли дальше.

— Еще шаг, и будет каменный пол. Он немножко неровный.

Нижний зал оказался небольшим и похожим на пещеру. Посредине лежала каменная плита, а в углу виднелся низкий выступ с какими-то мелкими вещицами. Под ногами валялись кости, на вид совсем древние; там, где лестница соединялась с залом, Никт увидел иссохший труп в обрывках длинного коричневого плаща. Наверное, решил мальчик, это тот самый юноша, который мечтал о богатствах, — поскользнулся в темноте и упал.

Вокруг них раздалось шуршание — словно по сухим листьям поползла змея. Скарлетт

стиснула руку Никта.

— Что это? Ты видишь что-нибудь?

— Нет.

Скарлетт то ли охнула, то ли ойкнула: значит, сама что-то увидела, понял Никт.

В конце пещеры загорелся свет, и прямо из каменной стены вышел человек. Скарлетт подавила крик.

Это был хорошо сохранившийся, но очень старый труп, весь разрисованный синефиолетовыми узорами (татуировка цвета индиго, подумала Скарлетт). На шее у него висело ожерелье из длинных и острых клыков.

— Я хозяин этой пещеры! — гортанно и едва понятно произнес труп. — Я храню ее сокровища!

Его глаза, обведенные синими кругами, казались огромными, как у филина.

— Кто вы такой? — спросил Никт и крепче сжал руку Скарлетт.

Человек-индиго, словно не услышав вопроса, продолжал злобно на них смотреть.

— Прочь отсюда! — прорычал он. Эти слова раздались как будто в голове Никта.

— Он опасный? — спросила Скарлетт.

— Вряд ли, — ответил Никт и обратился к Человеку-индиго, как его учили: — Я гражданин кладбища, и мне позволено ходить везде, где я хочу.

Человек-индиго никак не отреагировал, что удивило Никта: обычно эти слова утихомиривали даже самых раздражительных обитателей кладбища.

— Скарлетт, ты его видишь?

— Конечно вижу! Большой и страшный дядька в татуировках. Он хочет нас убить. Никт, прогони его!

Никт посмотрел на останки в коричневом плаще. Рядом валялась разбитая лампа.

— Он убежал, — вслух сказал мальчик. — Убежал от страха. Поскользнулся или оступился на лестнице и упал.

— Кто?

— Человек на полу.

В голосе Скарлетт слышались раздражение, недоумение и страх.

— Какой еще человек на полу?! Тут темно! Я вижу только татушного дядьку!

Словно в подтверждение, Человек-индиго откинул голову и разразился настоящим тирольским йодлем. Скарлетт сжала руку Никта так сильно, что впиалась ногтями в кожу.

— Извини, что я называла их воображаемыми! Теперь я тебе верю. Они настоящие!

Человек-индиго поднял над головой нечто вроде каменного ножа и прокричал:

— Все, кто вторгся сюда, погибнут!

Никт вспомнил про человека, который выбрался отсюда седым и с тех пор не ходил на кладбище и никому не рассказывал, что тут с ним случилось.

— Да нет, ты права. Насчет этого.

— Что насчет этого?

— Этот — воображаемый.

— Не говори глупостей! Я его вижу.

— Вот именно, — ответил Никт. — А мертвых не видишь. — Он огляделся. — Перестаньте кричать. Мы знаем, что вы ненастоящий.

— Я сожру вашу печень! — завизжал Человек-индиго.

— Фигушки. — Скарлетт шумно вздохнула. — Никт прав. — И добавила: — Знаешь,

мне кажется, это пугало.

— Что такое пугало?

— Такая штука, которую фермеры ставят на поля, чтобы отпугивать ворон.

— А зачем их отпугивать?

Вороны Никту очень даже нравились: они забавные и помогают содержать кладбище в чистоте.

— Точно не знаю, спрошу у мамы. Когда мы ехали на поезде, я такое пугало видела. Вороны думают, что это настоящий человек. А это подделка под человека. Просто чтобы пугать ворон.

— Кто бы вы ни были, — обратился Никт ко всей пещере, — у вас ничего не вышло. Нам не страшно! Мы знаем, что всё понарошку. Хватит.

Человек-индиго замолчал, подошел к каменной плите, лег на нее и исчез.

Для Скарлетт все опять стало темно. Но в темноте снова раздался шорох. Он становился все громче и громче, окружал их со всех сторон.

— МЫ — СЛИР.

У Никта закололо в затылке. Голос — или хор голосов? — который раздался у него в голове, был старым-престарым и каким-то сухим, словно скрежет мертвой ветки по окну часовни.

— Ты слышишь? — спросил он Скарлетт.

— Ничего я не слышу, просто как будто кто-то ползает. У меня в животе мурашки. Будто сейчас случится что-то ужасное.

— Не будет ничего ужасного. — Никт повернулся к пещере. — Кто вы?

— МЫ — СЛИР. МЫ ХРАНИМ. МЫ СТЕРЕЖЕМ.

— Что вы стережете?

— МЕСТО УПОКОЕНИЯ НАШЕГО ГОСПОДИНА. ЭТО ВЕЛИЧАЙШАЯ СВЯТЫНЯ, И МЫ ЕЕ СТЕРЕЖЕМ.

— Вы не можете нас тронуть. Только пугаете.

Сплетающиеся голоса капризно возразили:

— СТРАХ — СТИХИЯ СЛИРА!

Никт посмотрел на каменный выступ.

— А это сокровища вашего господина? Старая финтифлюшка, чашка и каменный ножик? На вид как-то не очень.

— МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА: БРОШЬ, КУБОК И НОЖ. МЫ ХРАНИМ ИХ ДЛЯ ГОСПОДИНА. СОКРОВИЩА ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ВСЕГДА.

— Вас много или один?

Ответа не было. Ум Никта будто заполнился паутиной. Мальчик помотал головой и сжал руку Скарлетт.

— Пошли!

Проводя девочку мимо мертвеца в коричневом плаще, Никт подумал: если бы тот не испугался и не упал, его ждало бы большое разочарование. Десять тысяч лет назад сокровищами называли совсем не то, что сейчас. Никт помог Скарлетт взобраться по лестнице, и вскоре они оказались в черных стенах мавзолея Фробишеров.

Весеннее, почти летнее солнце светило сквозь щели между камнями и закрытую дверь, да так ярко, что Скарлетт заморгала и зажмурилась. В кустах пели птицы; мимо с жужжанием пронесся шмель. Все как обычно, удивилась Скарлетт.

Никт толчком открыл дверь склепа, а потом запер на ключ.

Яркая одежда Скарлетт была вся в грязи и паутине, а смуглые руки и лицо от пыли посерели.

Ниже по холму кто-то кричал. Причем не один «кто-то», а много. Кричали громко и встревоженно.

— Скарлетт! Скарлетт Перкинс!!!

Скарлетт крикнула в ответ:

— Да! Кто это?

Не успели они с Никтом обменяться впечатлениями, хотя бы поговорить про Человека-индиго, прибежала женщина в флюоресцентно-желтом жилете с надписью «ПОЛИЦИЯ» на спине и стала спрашивать Скарлетт, все ли с ней в порядке, где она была и не пытались ли ее похитить. Потом женщина закричала по рации, что ребенка нашли.

Никт незаметно спустился вместе с ними по холму. Дверь часовни была открыта. Внутри ждали родители Скарлетт — мать утирала слезы, отец обеспокоенно говорил по телефону. С ними была еще одна женщина в полицейской форме. Никта они не видели. Мальчик устроился в дальнем углу.

Скарлетт отвечала на все вопросы так честно, как только могла: мальчик по имени Никто отвел ее внутрь холма, и там из темноты вышел человек с синими татуировками, который на самом деле был пугалом. Полицейские дали ей шоколадный батончик, вытерли лицо и спросили, был ли у татуированного мужчины мотоцикл. Родители Скарлетт перестали за дочку бояться и теперь разозлились на нее и друг на друга: нельзя пускать маленькую девочку на кладбище, даже если это уголок живой природы, в наше время везде очень опасно, и без неусыпного надзора с ребенком могут случиться всякие ужасы. Особенно с таким ребенком, как Скарлетт.

Мать Скарлетт зашмыгала носом. Скарлетт, глядя на нее, расплакалась. Одна из женщин-полицейских поспорила с ее отцом. Тот сказал, что как налогоплательщик оплачивает ее работу, а она ответила, что тоже платит налоги и, значит, кормит его самого. Все это время Никт просидел в темном углу часовни, невидимый для всех, даже для Скарлетт. Он смотрел и слушал, пока мог.

На кладбище смеркалось. Сайлес нашел Никта на вершине холма. Мальчик смотрел на город. Сайлес по своему обыкновению молча встал рядом.

— Она не виновата, — начал Никт. — Это я виноват! Теперь у нее неприятности.

— Куда ты ее водил? — спросил Сайлес.

— Внутрь холма, посмотреть на самую старую могилу. Там никого нет. Только какой-то Спир, похожий на змею, который любит всех пугать.

— Как интересно...

Они вместе спустились по холму и увидели, как запирают старую часовню. Родители со Скарлетт ушли в темноту.

— Мисс Борроуз научит тебя писать слитно, — сказал Сайлес. — Ты уже прочитал «Кота в сапогах»?

— Да, — ответил Никт. — Тыщу лет назад. У тебя получится найти еще книг?

— Думаю, да.

— Я ее еще увижу?

— Девочку? Едва ли.

Сайлес ошибался. Три недели спустя, в один сумрачный день, Скарлетт появилась на

кладбище в сопровождении родителей.

Те настояли, чтобы она оставалась на виду, а сами держались немного в стороне. Мать Скарлетт то и дело восклицала, до чего здесь мрачно, и как чудесно и замечательно, что вскоре они навсегда отсюда уедут.

Когда родители Скарлетт начали говорить между собой, Никт сказал:

— Привет.

— Привет, — тихо-тихо отозвалась Скарлетт.

— Я думал, мы больше не увидимся.

— Я им сказала, что не поеду, если они не сводят меня сюда в последний раз.

— Куда не поедешь?

— В Шотландию. Там есть университет, где папа будет преподавать физику частиц.

Они шли по дорожке вместе — маленькая девочка в ярко-оранжевой куртке и маленький мальчик в сером саване.

— Шотландия — это далеко?

— Да.

— А-а...

— Я надеялась, что застану тебя. Хотела попрощаться.

— Я всегда здесь.

— Но ты ведь не мертвый, правда, Никто Оуэнс?

— Конечно нет.

— Значит, ты не будешь жить здесь всю жизнь. Так? Когда-нибудь ты вырастешь, и тебе придется выйти отсюда в большой мир.

Он покачал головой.

— Там для меня опасно.

— Кто сказал?

— Все. Сайлес. Мои родители. Все говорят.

Скарлетт замолчала.

Ее отец крикнул:

— Скарлетт! Дочка, пора! Мы сводили тебя на кладбище, как обещали. Теперь — домой.

Скарлетт повернулась к Никту.

— Ты храбрый. Ты самый храбрый из всех, кого я знаю. И ты мой друг. Мне все равно, даже если ты воображаемый. И она убежала по дорожке обратно — к маме с папой и к большому миру.

Глава 3

Псы господни

На каждом кладбище найдется могила, облюбованная упырями. Побродите по старым дорожкам, и вы непременно ее увидите: всю в потеках, сколах и трещинах, заросшую чахлой травой и сорняками. От надгробия веет холодом, имя покойника стерлось. Статуя — если она была — или без головы, или покрыта мхом и плесенью, отчего похожа на гриб. Если вам кажется, что могила пострадала от рук вандалов, это упыря дверь. Если при виде могилы вам хочется убежать подальше, это упыря дверь.

На кладбище Никта тоже была такая могила.

Она есть на каждом кладбище.

Сайлес уезжал.

Сначала, узнав об этом, Никт расстроился. Теперь он просто злился.

— Ну почему?!

— Я уже сказал. Мне нужно кое-что выяснить. Для этого нужно кое-куда поехать. Чтобы куда-то поехать, нужно уехать отсюда. Мы с тобой уже все обсудили.

— Неужели это такие важные дела? — Никт пытался понять своим шестилетним умом, что заставляет Сайлеса его бросить. Не получалось. — Это несправедливо!

Опекун невозмутимо ответил:

— Никто Оуэнс, справедливость здесь совершенно ни при чем. Как есть, так есть.

Слова его Никта не убедили.

— Ты должен за мной присматривать. Ты сам говорил!

— Как твой опекун, я за тебя отвечаю. К счастью, эту ответственность готов нести не я один.

— А куда ты вообще едешь?

— Туда, куда нужно. Где я смогу узнать то, чего не узнаю здесь.

Никт фыркнул и ушел, пиная воображаемые камни, в северо-западную часть кладбища. Там разрослись настоящие джунгли, с которыми не могли справиться ни смотритель, ни местное Общество друзей кладбища. Никт разбудил целую семью покойных викторианских детей — все не дожили до десяти лет — и поиграл с ними в прятки. Все это время Никт убеждал себя, что Сайлес никуда не уедет, что все будет как раньше. Однако, когда он закончил играть и снова прибежал к старой часовне, его надежду развеяли сразу две новости.

Первая — саквояж. Никт сразу догадался, что он принадлежит Сайлесу — старый и очень красивый, черной кожи, с черной ручкой и латунными застежками. С таким саквояжем мог ходить викторианский врач или гробовщик, у которого с собой должны быть все инструменты, необходимые для его ремесла. Никт попытался заглянуть внутрь, но саквояж был заперт на замок. Попробовал поднять — нет, слишком тяжелый.

Это была первая новость.

Вторая сидела на скамейке у часовни.

— Никт, — сказал Сайлес, — это мисс Лупеску.

Наружность мисс Лупеску нельзя было назвать приятной: кислая мина, седые волосы (хотя сухощавое лицо казалось не таким уж старым), кривоватые зубы. Мисс Лупеску была в

просторном макинтоше и мужском галстуке.

— Здравствуйте, мисс Лупеску, — сказал Никт.

Мисс Лупеску ничего не ответила, только втянула носом воздух. Потом сказала Сайлесу:

— Так. Значит, это он.

Она встала и обошла вокруг Никта, раздувая ноздри, словно обнюхивая его.

Остановилась и сказала:

— Будешь являться ко мне утром и вечером. Я сняла комнату вон в том доме. — Она указала на еле видневшуюся над деревьями крышу. — Все время буду проводить на кладбище. Я приехала как историк, изучаю историю старых захоронений. Ты все понял, мальчик? *Гата?*

[3]

— Никт. Я Никт, а не мальчик.

— Сокращенно от «Никто». Глупое имя. Уменьшительно-ласкательное. Мне оно не нравится. Я буду называть тебя мальчиком. А ты меня — мисс Лупеску.

Никт умоляюще посмотрел на Сайлеса, но не нашел в его лице сочувствия. Опекун поднял саквояж и сказал:

— Я отдаю тебя в хорошие руки. Не сомневаюсь, что вы с мисс Лупеску поладите.

— Не поладим! Она гадкая!

— Так говорить очень невежливо, — сказал Сайлес. — Полагаю, тебе следует извиниться. Ты согласен?

Никт был совсем не согласен, но Сайлес стоял перед ним с черным саквояжем и собирался уехать непонятно на сколько...

— Извините, мисс Лупеску.

Сначала она ничего не ответила, только опять повела носом. Потом сказала:

— Мальчик, я приехала к тебе издалека. Надеюсь, ты того стоишь.

Поскольку обнять Сайлеса было бы невысказано, Никт на прощанье протянул ему руку. Сайлес наклонился и осторожно пожал ее. Чумазая детская ручонка полностью скрылась в огромной бледной ладони.

Без труда подняв тяжелый саквояж, Сайлес ушел по дорожке к воротам кладбища.

— Сайлес уехал! — пожаловался Никт родителям.

— Приедет, малыш, — подбодрил его мистер Оуэнс, — куда ж он денется. Не переживай!

— Когда ты только родился, он пообещал, что если ему случится уехать, он найдет себе замену. Чтобы кто-то носил тебе еду, смотрел за тобой. Так и вышло, он нас не подвел, — добавила миссис Оуэнс.

Да, каждую ночь Сайлес приносил Никту продукты и оставлял в часовне. Однако Никт ходил к нему не только за едой, а, например, за советами — хладнокровными, мудрыми и всегда полезными. Сайлес знал больше, чем кладбищенские жители: благодаря еженощным вылазкам в большой мир он мог рассказать о том, что происходит сейчас, а не сотни лет назад. Невозмутимый и надежный, он был рядом каждую ночь, сколько Никт себя помнил. Поэтому у мальчика никак не укладывалось в голове, что часовня опустела.

Мисс Лупеску тоже считала своим долгом обеспечивать Никту не только питание, но и воспитание. Впрочем, и питанием она не пренебрегала.

— Что это? — с ужасом спросил Никт.

— Хорошая еда, — ответила мисс Лупеску.

Они сидели в крипте часовни. Мисс Лупеску водрузила на стол два пластмассовых контейнера и сняла крышки. Указала на первый:

— Густой ячменно-свекольный суп. — Потом на второй. — Салат. Ты должен это съесть. Я сама для тебя приготовила.

Никт недоверчиво уставился на нее. Еда от Сайлеса обычно была в фабричной упаковке. Он покупал ее в ночных магазинах, где не задавали лишних вопросов. Еще никогда мальчику не приносили еду в пластмассовом контейнере.

— Пахнет гадко.

— Если не возьмешь в руку ложку, будет еще гаже. Остынет. А теперь ешь.

Голодный Никт взял пластмассовую ложку, окунул ее в бордовое варево и принялся есть. Суп был склизким и непривычным, но Никта все-таки не вывернуло.

— Теперь салат! — Мисс Лупеску сняла крышку со второго контейнера. Там оказались крупные кубики сырого лука, свеклы и помидора в густой уксусной заправке. Никт положил кусок свеклы в рот и начал жевать. Рот тут же наполнился слюной. Мальчик понял: если он это проглотит, его стошнит.

— Я не могу.

— Он полезный.

— Меня вырвет.

Они воззрились друг на друга — маленький мальчик со спутанной пепельной шевелюрой и строгая бледная дама с гладко зачесанными седыми волосами.

— Съешь еще кусок.

— Не могу.

— Будешь сидеть тут, пока не доешь.

Никт выбрал уксусно-вонючий ломтик помидора, разжевал и проглотил. Мисс Лупеску закрыла контейнеры и поставила их в хозяйственную сумку.

— Теперь уроки.

Стоял разгар лета, по-настоящему темнело не раньше полуночи. В теплых сумерках Никт — уроков в такое время у него не было — часами играл, исследовал уголки кладбища или забирался на деревья и ограды.

— Уроки? — переспросил он.

— Твой опекун хотел, чтобы я тебя учила.

— У меня есть учителя. Мисс Летиция Борроуз учит меня письму и чтению, мистер Пенниурт преподает по собственной «Исчерпывающей образовательной методе для юных джентльменов, с приложением в пользу усопших». Я хожу на географию и много еще куда. Мне не нужны новые уроки.

— Так ты все знаешь, мальчик?! Шесть лет, и уже всезнайка!

— Я так не говорил.

Мисс Лупеску скрестила руки на груди.

— Расскажи мне про упырей.

Никт попытался вспомнить все, что за эти годы услышал о них от Сайлеса.

— Лучше держаться от них подальше.

— И это все? Почему подальше? Откуда они берутся? Куда уходят? Почему нельзя стоять возле упырей двери? А, мальчик? Никт пожимал плечами и мотал головой.

— Перечисли все виды разумных существ. Начинай.

Никт задумался.

— Живые. Э-э... Мертвые. — Он помолчал. — И кошки!

— Мальчик, ты невежда, — заключила мисс Лупеску. — Это плохо. И ты доволен своим невежеством, что куда хуже. Повторяй за мной: есть живые и мертвые, дневной народ и ночной, упыри и туманные твари, горные охотники и псы господни. И те, кто ходит сам по себе.

— А вы кто? — спросил Никт.

— Я, — строго ответила она, — мисс Лупеску.

— А Сайлес?

— Сайлес... Он сам по себе.

Никт еле дотерпел до конца урока. Когда его учил Сайлес, было интересно, и Никт часто даже не замечал, что его чему-то учат. Мисс Лупеску вдальбивала ему знания в виде бесконечных перечней.

Никт изнывал в часовне, а снаружи его ждали летние сумерки под призрачной луной.

Когда урок закончился, мальчик убежал прочь в самом дурном расположении духа. Играть было не с кем. Лишь большая серая собака рыскала среди могил, но к нему не подходила, пряталась то за камни, то в тень.

Неделя шла, и лучше не становилось.

Мисс Лупеску все так же носила Никту свою стряпню: утопающие в жиру клецки, густой фиолетовый суп с комком сметаны, остывший вареный картофель, холодные сардельки с кучей чеснока, крутые яйца в сером неаппетитном соусе. Никт старался есть как можно меньше, только чтобы не рассердить мисс Лупеску. Уроки продолжались: два дня она учила его только тому, как позвать на помощь на языках всего мира. И била по пальцам ручкой, если он запинался или забывал. На третий день мисс Лупеску бросала:

— По-французски!

— *Au secours.*

— Азбука Морзе!

— SOS. Три точки, три тире, еще три точки.

— На языке ночных мверзей!

— Что за ерунда... Я даже не помню, кто такие эти мверзи!

— Безволосые крылатые твари, летают низко и быстро. В этот мир они не заглядывают, зато парят в алом небе над дорогой в Гульгейм, город упырей.

— Мне это никогда не пригодится!

Мисс Лупеску поджала губы сильнее, но сказала только:

— Ночные мверзи.

Никт издал в глубине горла звук, которому она его обучила — гортанный, похожий на орлиный клекот.

Мисс Лупеску фыркнула:

— Сойдет.

«Когда же вернется Сайлес?!» — подумал Никт.

— Иногда по кладбищу ходит серая собака. С тех пор как вы приехали. Она ваша?

Мисс Лупеску поправила галстук.

— Нет.

— Урок закончен?

— На сегодня — да. Вот список, который ты прочтешь и выучишь до завтра.

Списки мисс Лупеску были написаны бледно-фиолетовыми чернилами на белой бумаге и странно пахли. Никт ушел с новым заданием на склон холма, сел и начал вчитываться, но никак не мог сосредоточиться. В конце концов он свернул лист и придавил камнем.

Этой ночью никто не хотел с ним играть! Не с кем было поболтать, побегать, полазить по деревьям под огромной летней луной.

Никт пошел в гробницу Оуэнсов, чтобы найти сочувствие у родителей. Однако миссис Оуэнс и слышать не хотела о том, какая плохая мисс Лупеску: ведь ее выбрал Сайлес. Мистер Оуэнс — что еще хуже — просто пожал плечами и завел рассказ о том, что в детстве работал подмастерьем у краснодеревщика и был бы рад обучаться всем тем премудростям, какие преподают Никту.

— А тебе не пора за уроки? — спросила миссис Оуэнс.

Никт молча сжал кулаки и, громко топая, вышел.

Он брел по кладбищу, пиная бульжники, и размышлял о том, как все его не любят, не ценят и как это несправедливо. Вдруг он заметил серую собаку. Никт позвал ее — может, прибежит и поиграет с ним? — но та держалась поодаль. Мальчик с досады запустил в нее комом земли. Тот разбился о ближайшее надгробие и засыпал могилу грязью. Большая собака с упреком посмотрела на Никта, попятилась в тень и пропала.

Мальчик спустился по юго-западному склону, чтобы вид старой часовни не напоминал о Сайлесе, и задержался у могилы, которая выглядела как раз под стать его настроению. Над ней черным когтем торчал дуб, в который когда-то попала молния. Надгробие было все в потеках и трещинах, а сверху красовался безголовый ангел, похожий на огромный уродливый трутовик.

Никт присел на траву. Ему было очень жалко себя и обидно. Он закрыл глаза, свернулся калачиком и забылся тяжелым сном.

Вверх по улице бежали герцог Вестминстерский, почтенный Арчибальд Фицхью и епископ Бата и Уэллса — неслись все дальше и дальше, тощие и жилистые, кожа да кости в лохмотьях. Юрко скакали из тени в тень, то рысью, то галопом, по-лягушачьи враслопырку прыгали через мусорные баки, проворно прятались от света фонарей за заборами.

На вид они были почти как люди, только ростом поменьше, будто хорошенько проявились на солнце, и вполголоса приговаривали:

— ...Ежели ваша светлость имеет хоть малейшее понятие, к каким чертям нас занесло, пусть соблаговолит ответить. Если же нет, пусть заткнет свое поганое хлебало!

— Ваше преосвященство, я всего лишь сказал, что чую где-то рядом кладбище, носом чую...

— В таком случае, ваша светлость, я бы тоже его учуял, ведь нюх у меня лучше вашего!..

Перекидываясь такими словечками, они рыскали по пригородным садам. В один сад спускаться не стали («Тс-с-с! — прошипел почтенный Арчибальд Фицхью. — С-собаки!»), а пробежали поверху, по стене, словно крысы размером с ребенка.

Шмыг — главная улица, шнырь — дорога на холм. Кладбищенская ограда. Они вскарабкались на нее, как белки, и принялись.

— Ос-сторожно, с-собака! — просвистел герцог Вестминстерский.

— Где-где? Ну уж... Пахнет не псиной, — возразил епископ Бата и Уэллса.

— Кое-кто даже кладбище не унюхал, — заметил почтенный Арчибальд Фицхью. — А? Собака, собака!

Троица спрыгнула на землю и побежала по кладбищу, отталкиваясь и ногами, и руками, к упырьей двери под обугленным дубом.

И застыла.

— Это что еще за явление? — сказал епископ Бата и Уэллса.

— Мать честная! — воскликнул герцог Вестминстерский.

Никт проснулся.

В лунном свете над ним склонились три улыбающиеся физиономии — высохшие, как у мумий, но подвижные и очень любопытные. Никт увидел острые грязные зубки, черные глазки-бусинки и нетерпеливо постукивающие когтистые пальцы.

— Вы кто? — спросил мальчик.

— Мы, — заговорило одно из существ (Никт обратил внимание, что они с ним почти одного роста), — великий народ, вот кто мы такие. Это герцог Вестминстерский...

Самое крупное из существ поклонилось:

— Весьма польщен.

— ...это епископ Бата и Уэллса...

Ухмыляющееся существо с острыми зубами и невероятно длинным и тонким языком совсем не походило на епископа, какими их представлял себе Никт. Существо было все в пятнах, как пегая лошадь; крупное пятно вокруг глазницы скорее напоминало повязку пирата.

— ...а я в некотором роде имею честь быть достопочтенным Арчибальдом Фицхью. К вашим услугам!

Троица дружно поклонилась.

Епископ Бата и Уэллса сказал:

— А ты как здесь очутился, отрок? Только смотри, не бреши! Помни, пред тобой священнослужитель!

— Так ему, ваше преосвященство! — хором воскликнули его приятели.

Мальчик рассказал все: никто его не любит и не хочет с ним играть, никто его не ценит и даже опекун его бросил.

— Чтоб мне лопнуть! — сказал герцог Вестминстерский, почесав нос (крошечный выступ, состоявший в основном из ноздрей). — Чего тебе не хватает, так это места, где бы все тебя понимали.

— Нет такого места, — вздохнул Никт. — И с кладбища мне выходить нельзя.

— Есть целый мир друзей и приятелей по играм! — сказал епископ Бата и Уэллса, высунув длинный язык. — Город, где царит веселье и волшебство, где тебя оценят по достоинству и не будут тобой пренебрегать.

— А еще меня ужасно кормят... — пожаловался Никт. — Женщина, которая за мной смотрит. Приносит суп из крутых яиц и другие гадости.

— Еда! — ахнул достопочтенный Арчибальд Фицхью. — Там, куда мы идем, еда лучшая в мире! От одной мысли о ней у меня в животе урчит и слюнки текут!

— А мне можно с вами? — спросил Никт.

— С нами?! — возмущенно переспросил герцог Вестминстерский.

— Ну что вы, что вы, ваша светлость! — сказал епископ Бата и Уэллса. — Не будьте так строги. Вы только гляньте на бедолагу! Он уже невесть сколько кушает что попало!

— Я за то, чтоб его взять, — заявил достопочтенный Арчибальд Фицхью. — У нас там жратва славная... — Для большей убедительности он похлопал себя по животу.

— Ну как, молодой человек, готов к приключениям? — спросил герцог Вестминстерский, который тут же загорелся новой идеей. — Или будешь всю жизнь прозябать тут? — Он обвел костлявой рукой темное кладбище.

Никт вспомнил мисс Лупеску, ее противные обеды, списки и поджатые губы.

— Готов!

Три новых приятеля Никта, хоть и с него ростом, оказались куда сильнее любого ребенка. Епископ Бата и Уэллса поднял Никта высоко над головой, а герцог Вестминстерский схватился за пучок травы, прокричал что-то вроде «Скагх! Тегх! Хавагах!» и дернул. Каменная плита, прикрывавшая могилу, съехала, будто крышка люка, и под ней оказалось совсем темно.

— А теперь живо! — крикнул герцог. Епископ Бата и Уэллса забросил Никта в дыру и прыгнул следом. За ними — почтенный Арчибальд Фицхью и герцог Вестминстерский. Последний в прыжке крикнул: «Вегах Харадос!». Камень с грохотом упал — упырья дверь закрылась.

Никт летел сквозь темноту, тяжело ворочаясь, как кусок мрамора, и от удивления даже не боялся. Интересно, где у этой могилы дно, думал он.

Вдруг две сильных руки подхватили его под мышки и понесли.

Никт давным-давно не видел настоящей темноты. На кладбище он обладал зрением мертвых, и ни одна гробница, могила или склеп не были для него тайной. Теперь он оказался в сплошной черноте. Его несли вперед неровными рывками; в ушах свистел ветер. Никту было страшно и одновременно весело.

А потом стало светло, и все изменилось. Небо было красного цвета, но не теплого закатного оттенка, а злобно-багрового, как воспаленная рана. Далеко-далеко светило крошечное старое солнце, которое не согревало воздух.

Они спускались по отвесной стене. Из нее, словно из гигантского кладбища, торчали могильные плиты и статуи. Похожие на тощих шимпанзе в рваных черных смокингах, герцог Вестминстерский, епископ Бата и Уэллса и почтенный Арчибальд Фицхью перескакивали с камня на камень, размахивали мальчишески и, не глядя, ловко бросали его друг другу.

Никт пытался задрать голову, чтобы увидеть могилу, через которую попал в этот странный мир, но ее загородило другими надгробиями.

А что, подумал он, если все эти могилы — двери...

— Мы куда? — спросил он, но его голос сдуло ветром.

Они бежали все быстрее и быстрее.

Впереди поднялась еще одна статуя, и под багровое небо катапультировались еще двое существ, таких же как новые приятели Никта. На одном было рваное шелковое платье, когда-то, должно быть, белое, на втором — грязный серый костюм, явно ему великоватый, с порванными в локуты рукавами. Заметив Никта с друзьями, они бросились к ним, пролетев к земле футов двадцать.

Герцог Вестминстерский издал гортанный писк и притворился испуганным. Трое с Никтом поспешили вниз, двое — за ними по пятам, бодрые и полные сил под пылающим небом с мертвым глазом бледного солнца.

У большой статуи, лицо которой превратилось в грибообразный нарост, все встали. Никту представили тридцать третьего президента США и императора Китая.

— Это юный Никт, — сказал епископ Бата и Уэллса. — Он хочет стать таким, как мы.

— Чтобы хорошо кушать! — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью.

— Что ж, отрок, когда ты станешь одним из нас, хорошее питание тебе будет обеспечено, — сказал император Китая.

— Ага, — сказал тридцать третий президент США.

Никт спросил:

— Стану одним из вас? То есть превращусь в вас?

— Ишь какой смекалистый! Все хватает на лету! Ему палец в рот не клади!.. — сказал епископ Бата и Уэллса. — Точно подметил, одним из нас. Таким же сильным, как мы. Таким же быстрым. Таким же неуязвимым.

— Твои зубы станут такими крепкими, что раскусят любые суставы. Язык — таким острым и длинным, что высосет мозг из любой косточки и слижет мясо со щеки толстяка, — сказал император Китая.

— Ты научишься красться из тени в тень, чтоб никто тебя не увидел, никто не заподозрил. Свободный как ветер, быстрый как мысль, холодный как лед, твердый как гвоздь, опасный как... как мы, — сказал герцог Вестминстерский.

Никт посмотрел на существ.

— А если я не хочу?

— Не хочешь? Да что ты говоришь! Что может быть лучше? Во всем мире не найдется никого, кто не мечтал бы стать, как мы.

— У нас лучший на свете город...

— Гульгейм, — сказал тридцать третий президент США.

— Лучшая жизнь, лучшая еда...

— Ты хоть представляешь, — вмешался епископ Бата и Уэллса, — как дивен вкус черного ихора, что скапливается в свинцовом гробу? Мы главнее королей с королевами, президентов с премьерами, главнее самых геройских героев, как люди главнее брюссельской капусты!

— Да кто вы такие? — спросил Никт.

— Упыри, — ответил епископ Бата и Уэллса. — Кто-то хлопает ушами, право слово! Мы у-пы-ри.

— Ой, смотрите!

Внизу показалась целая толпа прыгающей, скачущей мелочи. Не успел Никт и слова сказать, как его подхватили костлявые руки и понесли, то зависая в воздухе, то резко дергаясь вперед, — пятеро приятелей бросились навстречу себе подобным.

Стена могил закончилась. Теперь впереди простиралась дорога — утоптанная тропа через каменистую пустошь, усеянную костями. Дорога вела к далекому городу на оранжево-красном утесе.

Никт всмотрелся в город и оцепенел от ужаса, ненависти и отвращения.

[Купить полную версию книги](#)

Пер. А. Круглова.

Верен до гроба (*лат.*).

Gata (рум.) — все; готово; наконец.